

Мордвин далеко не просто так последовал в глубины безумно опасного леса за не менее опасным длинноухим нелюдем: других путей для него просто не было. Он был беглецом, которого, вполне возможно, сейчас разыскивал род, приближённый к самому королю. Всё родное королевство для него было ловушкой, и лишь вопрос времени, когда на него вышли бы. Для Нориэля не стало новостью то, что правитель собирал вокруг себя самых полезных чудотворцев, в обмен на службу давая преференции на земле, которых были недостойны менее особенные чудотворцы. Всё то же самое делал Малик. Целители же, на фоне «стихийных» чудотворцев, по опыту Нориэля, были очень редкими и было бы странно, не пожелай владыка земель держать таких людей поближе к себе.

Лишь в безымянной деревне на отшибе всего королевства, чуть ли не у границы ставшего ещё более опасным огромного леса, как его ещё называли на западных землях, «Загубленных душ», молодой «калека» смог укрыться. И даже там его не ждало ничего хорошего. Пусть про силу смерти никто до этого не слышал, хорошим знамением она не могла быть изначально. Люди во многом боялись смерти как раз из-за неизвестности. В случае же Мордвина, его сила — это доселе невиданная никем в королевстве смерть. Буквально противоположность силе исцеления.

Последней каплей было то, что обладатель мутных зелёных глаз услышал слух о том, что его смерти захотела сама Богиня, прознав о существовании обладателя столь специфического чуда. Молодой человек не стал проверять, насколько эти слухи правдивы и действительно ли сама Богиня хотела его смерти. Здесь важен был в первую очередь сам факт того, что от него попытались избавиться. Отношение в роду к нему и так было крайне негативным, намёки же на беспочвенную казнь стали последней каплей для молодого «калеки».

К сожалению, как показала практика, даже в Богиней забытой деревне чудотворца быстро невзлюбили. Сначала к нему, как и подобает чудотворцу, обращались с уважением, однако стоило всем узнать, что несла сила парня и то, что его дар был совершенно неразвит (ещё бы кто-то пытался помочь развивать нечто столь странное и чуждое исцелению живых), как Мордвина тут же подключили к крайне сомнительным походам вместе с мужчинами из деревни.

Те, кто стали удобрением для природы, не были разбойниками. Вернее сказать, они стали ими не так давно: к разбою деревенских подтолкнул голод. Голод же возник из-за многократно участвовавших нападений тварей из глубин леса. И если обычных путешественников они могли «просто» ограбить, то с нелюдями разговор был совсем другой. Где житель отдалённых от леса регионов ещё мог проявить терпимость — житель деревни, что находилась недалеко от границы безумно опасного леса, уже не мог.

Нориэль был готов поставить ещё триста тридцать три года игры на флейте лесному миражу, что Малик ни за что не позволил бы ситуации дойти до такой точки. Скорее уж, он бы собрал сильнейших воинов и лично отправился на зачистку и укрепление границ. Более того, фактической столицей его Царства по итогу стал не центр захваченных территорий, а место, где обосновалось племя «Слушающих Духов», то есть — самая граница.

По какой-то причине, молодой эльф совсем не переживал за детище своего второго друга, полностью уверенный в том, что оно продолжает существовать и более того — процветает.

Рассказы Мордвина занимали целые дни. Двое молодых ребят (правда, один из них молодым был весьма относительно) часами общались, достаточно быстро став напоминать неплохих товарищей. С каждым днём молодой эльф всё лучше узнавал быт «современных» (понятие относительное) людей с далёкого севера, в обмен делясь рассказами про бесчисленные

враждующие племена, дивных существ, которых Нориэль встречал в лесу, рассказывал истории про заблудшую в мифическом лесу девочку, поддавшегося тёмной энергии безумно талантливого охотника и странного старца, которого Нориэль увидел лишь раз, но которого, кажется, мог бы назвать первым и единственным учителем.

Слушавший бесчисленные истории Мордвин мог лишь пучить глаза и пытаться уместить в своей голове всё то, что видел и в чём непосредственно участвовал Нориэль. Мордвин ни на секунду не сомневался в том, что могущественный чудотворец, которому подчинялась природа, не врёт. Слишком подробными были рассказы, слишком много молодой эльф умел, слишком много было в его пещере портретов описываемых людей (и не только людей).

Да и, в общем и целом, парень просто не видел ни единой причины тому, чтобы могущественный чудотворец, которому подчинялась природа, ему врал. В этом банально не было смысла.

Наверное, самым тяжелым было не поверить в то, что Нориэль столько всего видел, а в то, что он видел это за, как казалось Мордвину, столь короткий промежуток времени.

В конце концов, перерождённый дух выглядел на... возможно, лет двадцать?

Или шестнадцать?

А может, восемнадцать?

И всё же, бесчисленных разговоров всё ещё было недостаточно, как и не было достаточно того, что молодой эльф начал учить парня жизни в лесу. Нет. В каком-то смысле, это Мордвин быстро с Нориэлем подружился, но не Нориэль с Мордвином. Для молодого эльфа прошло слишком мало времени, чтобы по-настоящему с кем-то подружиться, пусть и за триста лет он уже успел соскучиться по чувству того, что у него есть тот, кого он мог бы назвать другом, в чём, правда, парень и сам бы себе не признался. К сожалению, пусть духи, путешествующие с ним уже на протяжении бесчисленных сотен лет, ещё с мифического Леса, и развивались, их ждал ещё долгий путь прежде, чем они разовьют полноценный интеллект.

Однако вскоре последние сомнения отпали.

Всё изменилось аж (всего лишь) спустя месяц после того, как парень волей судьбы оказался в компании перерождённого духа природы. Уже приближались холода, за пределами пещеры дул сильный ветер, моросило, было уже темно, однако ни Нориэль, ни Мордвин совсем не обращали на это внимание.

Ведь каждый рассвет и закат Нориэль занимался медитацией. Или же, правильнее сказать — играл на флейте. Молодой эльф пришёл к тому, что, если утром ему нравилось играть что-то весёлое и бодрое, приветствуя таким образом восходящее солнце, во время заката он больше предпочитал играть что-то успокаивающее и, вероятно, меланхоличное. Мордвин быстро привык к тому, что просыпался и засыпал под по-настоящему волшебную игру на флейте, которая, казалось, умудрялась его согреть и поддерживать организм даже в самую страшную непогоду. За последний месяц парень стал чувствовать себя намного лучше, начала пропадать худоба, кожа пусть и осталась немного бледноватой, всё равно стала намного здоровее.

Единственное, что в Мордвине не менялось, это его мутные, словно поглощавшие свет глаза, которые, впрочем, были наполнены, вопреки всему, жизнью и желанием жить, несмотря ни на что.

И если весь прошедший месяц Мордвин ещё опасался поднимать вопросы касательно чуда, теперь он решился. Будучи чудотворцем, каждое утро и ночь он прекрасно чувствовал все те потоки энергии, проходившие сквозь странного длинноухого. И он совершенно точно знал, чем занимался Нориэль.

— Ты... медитируешь?

Молодой эльф удивлённо отложил флейту, вновь заглянув в наполненные любопытством и плохо скрываемым желанием мутные глаза. Будто голодающий, который видит перед собой сочный шмат только приготовленного жаренного мяса.

Перерождённый дух улыбнулся.

— У вас не распространены медитации?

Малик не принимал их, считая бесполезными. Молодому эльфу было интересно услышать, что думали по поводу медитаций люди спустя три сотни лет в совершенно другом регионе.

— Они распространены только среди элит, — поморщился Мордвин, беззаботным заявлением сильно удивив Нориэля. — У меня не было и шанса научиться чему-то, с самого рождения я владел только тем, с чем родился.

— Только элиты? — переспросил осторожно перерождённый дух.

Мордвин вздохнул, разглядывая начавший по чуть-чуть затухать огонь.

— Рода имеют свою внутреннюю иерархию, Нориэль. Сильнейшие представители рода не могут допустить, чтобы их потомки были слабее потомков других членов рода.

Перерождённый дух нахмурился.

— Не давая развиваться следующему поколению, вы не только делаете свой род слабее, но и не даёте друг другу постигать новые грани чуда. Почему?

Мордвин печально хмыкнул.

— Власть.

Как ни странно, Нориэль и без слов Мордвина знал ответ. Понимал изначально, но не принимал. Молодому эльфу претила сама мысль о том, что люди намеренно ограничивают собственный прогресс и не могут договориться даже в рамках собственного образования.

Если раньше это печалило и расстраивало молодого эльфа, то теперь начинало раздражать. Пожалуй, пройдёт ещё много времени прежде чем он сможет даже не привыкнуть, но принять столь базовое, понятное, и вместе с этим абсолютно нелогичное правило человеческого социума.

Единственное что оставалось делать Нориэлю для достижения собственной цели — пытаться помочь и направить.

— Ты хочешь развить свой дар? — после недолгого молчания спросил Нориэль.

Подул холодный ветер. Мордвин вздрогнул, шокировано подняв взгляд с костра на эльфа. Взгляд парня ещё сильнее помутнел, его непонятное марево ожило, начав распространять

странную энергию. Не злую, но и близко не хорошую.

Чёрное яйцо колыхнулось.

— Это то, о чём я мечтаю больше своей жизни, — едва выдавил из себя Мордвин, смотря на свои руки. — Я не хочу навсегда оставаться «калекой», не хочу, чтобы меня называли «Исцеляющим Трупы». Мне плевать на волю Богини Селесты и на волю старших в моём роду, Нориэль. Я хочу жить и развивать то, что мне подарила... Хах, шутка природы!

Нориэль, услышав абсолютно искренние слова молодого человека напротив себя, мягко улыбнулся, поняв, что, кажется, действительно нашёл человека, которого он однажды сможет назвать полноценным другом.

Малик всегда воспринимал чудо исключительно как инструмент, которым он успешно пользовался. Мордвин же, прямо как Нориэль, видел в мистической силе нечто большее.

Это... был нечестный приём.

Тот же факт, что человек перед ним обладал крайне необычной и, вероятно, опасной силой, совсем перерождённого духа не смущало. Он хотел познать все возможные грани чуда, без исключения.

— Моему другу тоже сначала не нравилось его прозвище. Но после он его принял и стал гордиться им. «Исцеляющий Трупы» звучит совсем неплохо. Если ты готов посвятить свою жизнь развитию чуда и протаптывать доселе невиданную никем тропу, то я сделаю всё, чтобы твои годы не прошли даром.

Мордвин, услышав пусть слабый, но удивительно чёткий, мягкий, спокойный голос Нориэля, на какое-то время замолчал, после чего вытер проступившую слезу.

— Я правильно поступил, отправившись в неизвестность.

Чёрное яйцо вновь колыхнулось.

На тот момент Нориэль и Мордвин себе даже представить не могли, что их могло ждать в будущем. Как и не мог сбежавший из собственного дома изгой предположить, какое будущее будет его ждать.

Будущее первого и самого страшного некроманта за всю историю северных и, возможно, западных земель. Некроманта, из-за которого в будущем появится обязательная традиция сжигать трупы.

Ведь иначе однажды кто-то вновь захочет их... Исцелить.

<http://tl.rulate.ru/book/94178/3339174>